

МОСКВИЧЬ.

(Памяти М. П. Садовскаго).

Этой зимой въ Москвѣ спрашиваетъ меня пріятель:

— Старика Садовскаго видали? Совсѣмъ плохъ.

— Что же лежитъ?

— Какое! Чуть отдышался, сейчасъ же изъ дому вышелъ. Вѣрите ли, въ «Эрмитажъ» его на рукахъ вносили!..

Въ препрославленномъ «Эрмитажѣ» покойный аргистъ назначалъ «rendez-vous» всей Москвѣ. Ежедневно, отъ 2—5 часовъ дня, можно было найти тамъ за излюбленнымъ столикомъ живого, остроумнаго Михаила Провыча, окруженнаго самой разношерстной публикой.

— Тентелевъ, Захаръ Петровичъ, гостинодворецъ нашъ—знакомилъ онъ пришедшаго—Худоумовъ, Иванъ Ивановичъ, профессоръ, батенька, замѣчайте! А это членъ Государственной Думы князь Турусовъ, а это троечникъ Балакинъ... Ну, милости просимъ, присаживайтесь къ намъ, коли нѣтъ чего интереснѣе...

Гдѣ Михаилъ Провычъ, тамъ—смѣхъ, шутки, анекдоты. Разсказать ли про кого, обозвать ли, на это покойный былъ мастеръ. Прозвища, имъ данныя, такъ и оставались на всю жизнь за человѣкомъ. Былъ онъ шутникъ, но не въ московскомъ издѣвномъ смыслѣ, а въ значеніи природнаго остряка и милаго балагура.

— А ну-ка, мнѣ «Шпруделю» еще!—командуетъ онъ бывало, ублаживъ компанію веселой бесѣдой.

«Шпруделемъ» называлась обыкновенная содовая вода съ виски, которымъ онъ не измѣнилъ до конца жизни.

И вотъ, говорю я, этой зимой узналъ я печальную новость: «Садовскій плохъ... теперь ужъ онъ не тотъ... былъ конь да уѣздила...». Гдѣ его искать? Конечно въ «Эрмитажѣ». Отправился. Въ обычный часъ, на обычномъ мѣстѣ и съ обычной свитой «знакомыхъ-незнакомцевъ» возсѣдаетъ Садовскій... Но, Боже мой, что сдѣлала съ нимъ болѣзнь! Не узнать. Кожа да кости. Съдой, небритый, темный какой-то.

— Что, хороше?—спросилъ онъ, подавая вялую, безкровную руку.

Тяжело вздыхалъ. Тяжело дышалъ. Избѣгалъ глядѣть въ глаза. Потомъ вдругъ оправился:

— Ну-ка «Шпруделю» мнѣ пожалуйста!

Бѣдосѣбный любимовецъ, пустрый и веселый, подкатилъ съ положенныхъ «заваромъ».

— Съ пріѣдомъ!

Мы чокнулись.

— Вотъ, батенька,—хитро смѣясь глазами, обратился ко мнѣ Садовскій и указалъ на подового,—рекомендую вамъ сего выюношу: филозофъ! Намедни мнѣ совсѣмъ стало плохо. Еле-еле до трактира дотащился. Настроеніе подлое. Сижу хмурый, насупившійся. А этотъ все пристаётъ: «Что съ вами, Михаилъ Провычъ? Не болитъ ли что?»—Не болитъ, говорю, а такъ скверно на душѣ, что глаза бы не глядѣли. Понялъ? «Какъ не понять! А въ такомъ случаѣ вы бы французскимъ скипидаромъ вытерлись!» А, какъ? Французскимъ скипидаромъ! Ну развѣ не филозофъ?

Садовскій смѣется. Смѣются гости. И самъ любимовецъ фыркаетъ въ салфетку.

— Да, не легко въ мои годы болѣть!—жалуется онъ, немного погодя, морщась и ежась,—когда случился со мной ударъ, я говорю моей старухѣ: «Ну, первый звонокъ пробилъ!» Да... да... вотъ опять одышка... Говорите, что пройдетъ? Да вѣдь и все пройдетъ... все...

И, замѣтивъ по лицамъ окружающихъ, что такая переменна настроенія тяжело подѣйствовала на всѣхъ, Садовскій пересплилъ себя и опять принялся острить:

— Сегодня ночью не спалось мнѣ. До самаго утра провалялся съ открытыми глазами. А потомъ такая чепуха приснилась, что до сихъ поръ безъ смѣха вспомнить не могу. Вообразите, снится мнѣ, будто къ намъ пріѣхалъ Викторъ Рышковъ и привезъ въ подарокъ маленькую собачку. Но это бы еще ничего. Дѣло въ томъ, что Рышковъ былъ, какъ и есть на самомъ дѣлѣ, съ бородой и въ темномъ пенснѣ, но только одѣтъ Китайцемъ! Это Викторъ-то Рышковъ Китаецъ! Ха-ха-ха! Сидитъ у меня на